

На правах рукописи

Голубев Николай Аркадьевич

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА:
ИВАНОВСКИЙ ОПЫТ**

Специальность
10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Таганов Леонид Николаевич

Официальные оппоненты: **Кошелев Вячеслав Анатольевич**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Едошина Ирина Анатольевна
доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова», заведующая кафедрой теории и истории культуры

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Защита состоится 18 декабря 2014 года в 12-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»:
<http://www.ivanovo.ac.ru/ru/science/attestation-science>

Автореферат разослан 18 октября 2014 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, проф.

Е.М. Тюленева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Несмотря на общественный и исследовательский интерес к литературному и историческому краеведению, эти дисциплины до настоящего времени не сформировали теоретико-методологической базы, концепции, которая объясняла бы их необходимость и значимость. Публикации советских «методистов» в этой области (П.В. Куприяновского, Д.С. Лихачева, Н.А. Милонова, Н.С. Травушкина) в силу идеологических ограничений не могли отразить всех потенциальных задач изучения локальных текстов. Краеведение в советском научном дискурсе воспринималось как прикладная дисциплина – формальное исследование и описание фактов и процессов, происходивших на очерченной территории, с целью индуктивного постижения общей истории страны (ее отдельных аспектов). Диссертация доказывает, что литературное краеведение в современных условиях может успешно решать актуальные проблемы не только литературоведения, но и социологии, политологии, экономики.

С развитием транспортной, межсоциальной и межэтнической коммуникации человек менее «привязан» к топосу, в котором родился. Выбор места жительства становится проблемой сознания личности. При этом экономическое положение локуса (даже вполне благополучное) не всегда оказывается достаточным аргументом. Уникальность и самодостаточность территории бесспорна только в парадигме культуры. Ее основной «нематериальный фиксатор» – художественная литература. Потому для выявления идентифицирующих особенностей локального текста и призывается литературное краеведение.

Но любая идентификация проходит через противопоставление себе подобным. Следствием этого становится «сепаратизм» локального текста: сначала культурный, но позже неминуемо перерастающий в политический. При центробежных устремлениях региона характерно развитие областничества в его литературе и искусстве – разработка особой местной темы и школы. Осознание самодостаточности локуса (его обособленности и в географическом, и в историко-культурном отношении) отражается в хронотопе создаваемых художественных произведений.

В условиях централизованного государства («сбалансированного» национального сверткста) местные писатели чаще всего неверно ощущают и описывают свой локус, будучи подвержены комплексу провинциальности (он может выражаться как в игнорировании, так и в излишнем внимании к выразительной специфике топоса). Местные реалии, получившие отражение в таких произведениях, воспринимаются (имеют силу) не более чем «couleur locale». Подобным образом прочитывается «местная тема» и в творчестве большинства столичных авторов, что объясняется их предвзятым (принятым заранее, до ознакомления) отношением к локусу – слишком сильны в культуре архетипы столицы и провинции (всей остальной территории).

Областническая идеология (регионализм) может вводиться в художественную литературу автором намеренно, но в таком случае читатель имеет дело с производным явлением – редко представляющим существенный интерес в контексте искусства. Намного ярче с художественной точки зрения – когда областничество входит в текст словно само собой – когда автор, возможно, и не осознавая, по наитию¹ улавливает еще не сформулированные ментальные настроения местных жителей. Это возможно при глубоком понимании обусловленности жизни локуса, внимании к его истории и специфике. Хотя Н.П. Андиферов указывает, что и это не обязательно: талантливый писатель обладает «локальным чутьем» – нужно лишь не сопротивляться вхождению в художественное произведение реального хронотопа: он предопределяет и сюжет, и структуру, и жанр.

Человек вынужден адаптироваться к условиям естественного ландшафта – в рамках конкретного локуса формируется общая модель мировосприятия (угол зрения), «выплавляется» уникальное этническое сознание – местная ментальность, порождающая и свою культуру. Возникающие культурные ландшафты – резервы глобальной литературы и искусства. Автор может найти в них не только уникальную тематику и образность, но и перенести в гло-

¹ Примечательны в этой связи слова из «Ирландского дневника» Генриха Белля: «национальный дух – <...[как]> наивность. Когда ты осознал, что она у тебя есть, - считай, что ее уже у тебя нет» (Белль Г. Избранное. М.: Радуга, 1988. С. 28).

бальный свертхтекст особую картину мира, восприятия действительности, характерную только для жителей локуса. «В ходе истории и особенно в XX веке сблизились и унифицировались все народы по быту (у всех телевизоры и авто...) и мышлению (интернационализм и математизация наук), – и тем не менее в ядре своем каждый народ остается сам собой до тех пор, пока сохраняется особенный климат, времена года, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык, – ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления»². Выявить и показать эти резервы – задача литературного краеведения. Дисциплина также в силах продуктивно решать проблемы взаимоотношений локальных (в т.ч. этнических) текстов внутри национального свертхтекста. Их внутреннее противопоставление может приводить не к негативным политическим последствиям, а к эффективному культурному взаимодействию.

Важно учитывать, что, несмотря на «сепаратистские» потенции, локальные литературы, их примарные тексты (связанные в большой степени с конкретными природными ландшафтами, с этническими первоосновами) удерживают национальную литературу (свертхтекст) от радикального видоизменения; являются «якорями», препятствующими окончательному стиранию границ внутри глобального литературного процесса.

В литературном краеведении сегодня можно выделить два основных метода; большинство исследователей применяют их одновременно, не осознавая возможной противоречивости.

Н.П. Анциферовым и И.М. Гревсом в начале XX в. было разработано так называемое «гуманитарное краеведение», в основе которого – субъективное представление о «genius loci», душе города. Считается, что каждый локус – уникален, обладает собственным духом (ангелом-хранителем).

В 1980-е гг. в рамках семиотической школы город стал рассматриваться как текст. Он строится и читается по определенным правилам и, следовательно, может быть типологизирован (такую попытку предпринимали Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис).

² Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. С. 430.

Но такой подход ограничивает восприятие локуса как неповторимого, одухотворенного произведения. Первостепенное значение отдается «рукотворным» факторам: архитектурной застройке, произведениям искусства – предполагается, что именно материальная культура обуславливает особый тип пространства.

В диссертации сравнивается результативность и эффективность этих методик. Обосновывается введение интегрального понятия «локальный текст». Под ним понимается свертхтекст (незамкнутая знаковая система), складывающийся в результате осмысления человеком конкретного пространства, образованного взаимодействием природного и антропогенного ландшафтов, и направленный на идентификацию локуса и реципиента в рамках культуры и литературы.

Предмет исследования – формирование локального текста. Т.е. с одной стороны, изучение потенциалов локуса к генерации уникальных произведений культуры и прогнозирование «направления» этого процесса. (При таком ракурсе формирование локального текста – неограниченный во времени процесс). С другой стороны, – изучение массового восприятия локального текста (этот процесс ограничен результатом), которое необходимо для полноценного развития региона и населения.

Объект исследования – «ивановский текст», отраженный в произведениях художественной литературы, публицистики, архитектуры и изобразительного искусства, в объектах естественного ландшафта. Интересен не весь массив текстов, созданных в Иванове или связанных (тематически и «биографически») с ним – а лишь те, в которых отражена исключительная самобытность топоса; которые прямо или косвенно опираются на местный «менталитет». Подчеркнем, что произведения искусства фиксируют процесс формирования локального текста и одновременно создаются им и влияют на него.

Основная цель – показать уникальность и внутренние резервы локального текста; обозначить закономерности и механизмы взаимодействия естественного и культурного ландшафтов – описать, как фактор места (локальный текст) может влиять на художественное творчество человека, на его сознание.

Для достижения цели рассматривается комплекс смежных проблем – потому разнообразны и **задачи исследования**:

- определить возможности литературного краеведения в контексте актуальной социокультурной проблематики; проанализировать применяемые методы и их потенциальную синергию; дать обзор истории отечественного литературного краеведения (как общественного и научного движения), выявить внешние факторы, способные на него влиять;

- исследовать опыт обособления локальных текстов в мировой и русской культуре; отследить общие закономерности и судьбу этих явлений – их влияние на местные литературные и социокультурные процессы;

- разграничить проявление областнической идеологии в художественной литературе и применение приема «couleur locale»;

- оценить предлагаемую в рамках семиотики типологию городского текста, «примерив» его к ивановскому варианту; проанализировать в этом аспекте наиболее характерные художественные произведения, связанные с локусом;

- обозначить точки соприкосновения (и объяснить их внутреннее притяжение) культурного и природного ландшафтов внутри «ивановского текста»; описать возникающую «семиотическую игру»: показать, как объективная реальность входит в художественный текст, интерпретируется им и одновременно под его воздействием физически изменяется;

- исследовать закономерности между этногенезом и формированием локального текста; объяснить субэтническое и художественно-символическое именование «ивановец»;

- охарактеризовать стадии формирования ивановского локального текста, определить причины, способствующие этому;

- показать развитие местной культуры и литературы на фоне общенационального текста литературы; определить внутрикультурные отношения провинции и столицы; выявить специфику географической близости Москвы и Иванова в контексте местного литературного процесса.

Эти задачи обуславливают и соответствующую **методологию** исследования. Основными методами являются структурно- и историко- функциональный, системно-типологический. Особая роль

при решении поставленных задач отдана семиотическому анализу; исследование опирается на теорию сверхтекста. Разрабатываемая проблематика потребовала междисциплинарного подхода с опорой на научные труды не только по литературоведению, но по культурологии, истории, этнологии, географии.

По ходу исследования анализируются отдельные художественные произведения «ивановского текста»; дается характеристика творчества местных литераторов, уточняются факты литературной жизни региона. В особом приближении разбирается творчество Д.Н. Семёновского.

В рамках диссертации впервые задействован архив ивановского молодежного театра и его режиссера Р.М. Гринберг, хранящийся в Ивановском государственном университете – проанализирован ряд документов. Приводятся неизвестные прежде рукописи Н.П. Майорова, обнаруженные в РГАЛИ; материалы из собрания литературного музея ИВГУ. Комплексно, исходя из тезиса об их обусловленности единым локальным текстом, рассматриваются литература, журналистика, архитектура, изобразительное искусство ивановского края.

Выбор именно «ивановского текста» для изучения объясняется не только доступностью фактологической базы и источников – но и специфическим отношением ивановцев к местному культурному пространству: «чертово болото», «более ужасного места нет в природе!», «город второй категории». Такие реплики свидетельствуют, что локальный текст до сих пор не понят. Немаловажно при исследованиях подобного рода и субъективное ощущение автором «*genius loci*», его связь с топосом.

Ивановский локальный текст отличает его концентрированность в культуре XX века – недолгая и в тоже время насыщенная история. Местные литературные процессы первой трети XX века происходили не только в общей парадигме отечественной литературы, но и во многом задавали ей тон. Характерная особенность ивановского локуса – географическая близость к столице, происходит постоянная творческая «миграция». Что, с одной стороны, ускоряет культурные процессы внутри локального текста, а с другой, – нарушает преемственность: каждое поколение вынуждено самостоятельно и по-своему воспринимать местный культурный ланд-

шафт, постигать закономерности и специфику «текстильного региона».

Наиболее значима в контексте исследования монография Л.Н. Таганова «"Ивановский миф" и литература» (Иваново, 2006), в которой дано масштабное обозрение ивановской литературы; заложены концептуальные подходы к восприятию разрозненных литературных источников в целостности; предложено особое видение местного культурного процесса. В краеведческом аспекте диссертация опирается на книги Я.П. Гарелина «Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад» (Шуя, 1884-1885), отображающую начальную историю локуса, и П.М. Экземплярского «История города Иванова» (Иваново, 1958), в которой наиболее полно описано зарождение революционного движения в губернии. Прочие краеведческие публикации «эксплуатируют» в основном фактологическую базу указанных источников.

Актуальность работы определяется тезисом о невозможности полноценного развития региона (как в культурном, так и в политико-экономическом отношении) без массового осознания его самобытности и уникальности, которые проявляются прежде всего через искусство.

Локальные литературы заслуживают особого внимания в современной геополитической обстановке, когда регионы заявляют о своем суверенитете на основе именно культурной, языковой и этнической самоидентификации; регионализм в настоящее время ведет к коренному пересмотру политической карты мира.

Новизна заключается в том, что для исследования локального текста комплексно применяются семиотический подход и методы «гуманитарного краеведения». Утверждается тезис об основополагающем влиянии естественного ландшафта на культурные процессы – с этой позиции рассматривается «ивановский текст». Литература воспринимается и исследуется одновременно как порождение «локального текста» и как фактор его формирования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в выявлении актуальных проблем литературного краеведения. Проанализирована и дополнена семиотическая типология города. Обозначаются точки пересечения и взаимного интереса лите-

ратуроведения, этнографии, географии, культурологии, политологии и экономики при исследованиях конкретного пространства.

Практическая значимость выражается в потенциальном решении проблем, обозначающих актуальность работы. Показаны механизмы «прочтения» городского текста, что важно не только в парадигме литературы, но и для грамотной организации городского пространства. Заявленные тезисы могут способствовать эффективной региональной внутренней и культурной политике.

Результаты исследования открывают новые возможности при изучении художественного наследия местных писателей. Взаимосвязь с «ивановским текстом» позволяет уточнить характеристики творчества С.А. Есенина, А.М. Горького, В.В. Маяковского, А.К. Воронского. Материалы диссертации могут быть использованы в курсе литературного краеведения; в спецкурсах широкого междисциплинарного характера.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие территории невозможно без массового осознания самодостаточности локального текста культуры. Он проявляется в художественных произведениях через хронотоп, тематическое и образное своеобразие. Локальный текст формируется (накапливается) постоянно и меняется под воздействием порожденных им же процессов.

2. Литературное краеведение дает уникальный ракурс для изучения исторической, культурологической, социо-экономической специфики региона. Открывает пути решения актуальных (внелитературных) проблем жизни края.

3. Культурная идентификация региона (в финальных стадиях) приводит сначала к культурному, а затем политическому сепаратизму. Тоталитарный режим сознательно подавляет развитие местных литератур и краеведческое движение. В рамках централизованного государства невозможно окончательное формирование локального текста.

4. Природный (естественный) ландшафт предопределяет «ментальность» населения: его основное занятие и особенности художественного мировоззрения, отражающиеся в литературе.

5. Природный и культурный ландшафты находятся в состоянии постоянной «семиотической игры». Культурный ландшафт, не-

смотря на подверженность быстротечным изменениям, хранит информацию о всех своих генерациях. А природный ландшафт всегда стремится к своему первичному состоянию. Это обеспечивает стабильность локальности текста – постоянство «сетки семантических констант».

6. Основополагающий фактор «ивановского текста» – текстильное ремесло. В местном сознании снимается общекультурное противопоставление индустриального и крестьянского – фабрики и деревни. Это дает локальной литературе возможность уникальной точки зрения – особые тематические и художественные средства постижения действительности.

Диссертация **соответствует содержанию паспорта специальности 10.01.01 «Русская литература»**, в частности следующим его пунктам: п. 4 – история русской литературы XX – XXI веков, п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве, п. 11 – взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т.п., п. 15 – литературное краеведение и музееведение, п. 19 – взаимодействие литературы с другими видами искусства.

Положения диссертации **прошли апробацию** на международных научных конференциях: «Вторые московские анциферовские чтения» (Москва, 2013, ИМЛИ РАН); «Культура повседневности и образ "маленького человека" в критике И.А. Дедкова, в научном и художественном сознании XX века» (Кострома, 2013, КГТУ); «Рождение культурологии в России» (Шуя, 2013, ШГПУ); «Журналистика, реклама и связи с общественностью: региональный и страноведческий аспекты» (Иваново, ИвГУ, 2013); на всероссийской научной конференции «Аксёновские чтения» (Казань, КФУ, 2013); на областных краеведческих конференциях (Иваново, ИвГУ) в 2012 и в 2013 гг.; на внутривузовских конференциях «Молодая наука в классическом университете» (Иваново, ИвГУ) в 2012, 2013, 2014 гг. Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура исследования отвечает поставленным задачам и служит всестороннему рассмотрению заявленной темы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литерату-

ры, включающего 273 наименования. Общий объем работы – 241 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи исследования, объясняется понятие «локальный текст», формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Регионализация культуры. Литературное краеведение в социокультурной парадигме XX века»** показывает и объясняет примеры литературного и политического регионализма; анализируется развитие литературного краеведения в отечественном научном дискурсе.

В первом параграфе *«Политико-литературный регионализм в Европе»* обособленно рассматривается авиньонская школа во французской литературе. Она стала реакцией литераторов на государственную политику централизации (подавление локальных текстов – обязательный ее этап), проповедовала возвращение к национальным корням, местному диалекту. Самый яркий представитель школы – Фердинанд Мистраль. Уже первое его произведение «Мирей» (1859) получило широкую известность. Уникальность поэме с самым обыденным пасторальным сюжетом о несчастной любви придала реализация «ландшафтного резерва» – обращение к этнографическим, историческим и фольклорным особенностям Прованса.

Второй параграф *«Сибирское литературное областничество: история и изучение»* анализирует опыт сибирского областничества – политико-культурного движения, зародившегося в первой половине XIX века. Локальный текст в данном случае сформирован не на этническом принципе – характеризующее понятие «сибиряк» появилось именно в рамках культуры. Лидеры движения указывали на необходимость литературной «пропаганды», Г. Потанин даже пытался написать образцовый «сибирский роман» «Тайжане» (1872). Явление сибирского областничества интересно в своем развитии, продолжающемся до сих пор; характерна реакция на него государства – подавление в 1865 г. («Дело об отделении Сибири от России...») и в 1932 (разгром литературной группы «Сибирская

бригада» («Памир»)). На примере сибирского текста анализируется эффективность литературного областничества (как политического инструмента), его значение для местного культурного процесса.

Сибирская литература еще в XIX веке стала объектом научного внимания. В диссертации дан общий обзор исследовательских публикаций, показана и объяснена эволюция взглядов на сибирскую литературу М.К. Азадовского – основоположника литературного краеведения Сибири. Выявлены вненаучные факторы, препятствовавшие постижению локального текста.

В третьем параграфе «*Литературное краеведение в XX веке: методы, причины актуализации*» описывается развитие научного и общественного движения в нашей стране. Интерес к региональным текстам был закономерной стадией развития гуманитарной науки – к началу века на основе анализа древнерусской письменности, фольклора, художественных промыслов сложилось четкое видение коренных и характерных особенностей региональных культур.

Глубокой взаимосвязью между литературной дифференциацией и социополитическим устройством территории объясняется всплеск региональной темы в художественной литературе в период политического и гуманитарного кризиса 1920-х гг. На примере конкретного локуса писатели пытались дать картину масштабных преобразований страны. Надо отметить, что и собственно краеведческие тексты 1920-30-х гг. часто малоотличимы от художественных: в них равноправно «участвуют» исторические факты, фольклор, биография самого автора-краеведа. Пример тому – двухтомное «Ситцевое царство» (1925, 1926 гг.) И.А. Волкова, повествующее об истории ивановского края.

В связи с политической децентрализацией локальные тексты начинают (вынуждены) осознавать свою самостоятельность – происходит заметное ускорение местных культурных процессов; появляется общественный запрос на их изучение. В диссертации обозначены факторы, приведшие к тому, что краеведение в 1920-е гг. перерастает в общественное движение. Его сопровождают академические исследования – закладываются теоретические основы научной дисциплины. В контексте литературоведения интересны прежде всего работы М.П. Сокольников (опиравшегося на ивановский материал), М.К. Азадовского, И.М. Гревса, Н.П. Анцифе-

рова, Н.К. Пиксанова (концепции последних двух ученых в рамках диссертации отдельно проанализированы и актуализированы применительно к задачам работы).

Но при построении тоталитарного режима в 1930-е гг. была свернута научная составляющая краеведческого движения, остались неразработанными в полной мере методики исторического и литературного краеведения. Перспективная (до сих пор обладающая глубоким потенциалом) концепция культурных гнезд Н.К. Пиксанова не получила должного развития (основополагающая пиксановская монография была издана в 1928 году – переломном для отечественного краеведения). Метод Н.П. Анциферова, признававший за локусом право на душу, на ангела-хранителя, не мог быть признан научным в период господства марксистской философии.

Во второй главе **«Городской текст и семиотическая "типология города"»** анализируется семиотический подход к прочтению локального текста. Предполагается, что любой город несет в себе общую модель, проекцию универсальной схемы миро- и градоустройства. Во всех полисах потому есть нечто общее, а, следовательно, можно говорить и об определенных закономерностях, по которым функционируют городские тексты.

«Ивановский текст» объединил в себе не только антагонистичные «языки» фабрики и деревни – крестьянского и пролетарского; но и исторически разнородные и культурно разнонаправленные село Иваново и Вознесенский посад. Эта дуальность не позволяет однозначно маркировать городской текст в рамках известной типологии.

В первом параграфе *«Концентрическое – эксцентрическое положение локуса»* выявляется, что лишь со значительным допущением Иваново можно отнести к городу эксцентрического типа (по типологии Ю.М. Лотмана). И хоть локус не расположен ни на берегу моря, ни в устье реки – в нем крайне остро ощущается противопоставление естественного и искусственного (что доказывается в рамках диссертации); основополагающими являются сложные взаимоотношения природы и человека; наличествует пласт местной «мифологии», в которой можно разглядеть и мотив затягивания, «погружения на дно» – Иваново многими жителями воспринимает-

ся как «чертово болото» (в работе объясняется история возникновения этого фразеологизма).

Во втором параграфе рассматривается типология, предложенная В.Н. Топоровым, «*Город-дева – город-блудница*». Эта антитеза не дает однозначной характеристики «ивановскому тексту». В дореволюционных литературных источниках локус традиционно представляется в образе проклятого, нехорошего места. Одно из первых произведений «ивановского текста» – «Тихий омут» В.А. Рязанцева описывает «гнилую жизнь» села. А после революции Иваново-Вознесенск – преображенный город; уже вполне уместным кажется сравнение с землей обетованной, предложенное в «Мистерии Буфф» В. Маяковским.

В контексте противопоставления «город-дева» – «город-блудница» анализируется поэма Дмитрия Семёновского «Благовещание» (1921). В произведении повествуется о рождении в фабричном городе (по описанию схожем с Иваново-Вознесенском) ребенка, впоследствии провозгласившего себя Христом. Поэма явно апеллирует к Священному писанию, которое Семёновский, бывший семинарист и сын священника, не мог не знать в деталях. В этой связи странными кажутся уже первые строки: «Падшая девица мальчика родила/ В тесном углу на зашарканном полу». Известно апокрифическое предсказание, что от падшей девицы должен родиться Антихрист. В разрез с Писанием идет и дальнейшее повествование.

В «Благовещании» и в других стихотворениях одноименного сборника (Иваново-Вознесенск, 1921) проявляется весь комплекс противоречивых отношений Семёновского к религии и к революции. Поэт подспудно или неосознанно дает оценку пролетариату, провозгласившему себя спасителем. С одной стороны, автору страшно не признать, отправить в психлечебницу (как происходит по сюжету поэмы) настоящего нового бога; а с другой, – слишком сильны подозрения, что новые герои – от лукавого, дети антихриста. Но изначально поэт убеждает себя, что красное знамя над головами революционеров – «багряница с тонких плеч Страстотерпца Христа».

Третий параграф «*Мужское-женское как текстоопределяющее*» рассматривает маркировку городского текста Н.Е. Меднис. В

ивановском тексте гармонично, вне оппозиции сосуществуют два разнополюх «бренда»: «город невест» и «город красных ткачей». Но надо подчеркнуть, что «город невест» – это не «город женщин» и не «город-невеста», что можно было бы трактовать однозначно в контексте «гендерной» типологии. Примечательны категоричные взаимоисключающие характеристики Ефима Вихрева (он в 1930-е гг. ощущал Иваново исключительно мускульным городом) и Александра Агеева (который в конце XX века доказывал и описывал женскую природу «ивановского текста»).

В четвертом параграфе главы предложена собственная маркировка городского сверттекста – «*Город-сад – "Манчестер"*». В определенной степени это противопоставление продолжает ряд антонимичных пар: природа–цивилизация, город–деревня (пролетарское–крестьянское), рай–ад.

В конце XIX века «Манчестер» из имени собственного стал нарицательным. Когда это прозвище прикрепило к Иванову – неизвестно. Но, видимо, к моменту публикации очерка Ф.Д. Нефедова «Наши фабрики и заводы» (1872 г.) оно было вполне устоявшимся. Предложено Нефедовым и обозначение для местного населения – «манчестерцы». Такое именование локуса, судя по всему, было приятно жителям города – в 1910 году предпринималась попытка издания городской газеты с названием «Русский Манчестер». Но в советском дискурсе города-Манчестеры («утопающие в скрежете железа, вечно покрытые дымом, опутанных сетями висячих дорог и т.п.»³) становятся олицетворением классового угнетения, символом прежней несправной жизни. И потому «город-сад» входит в советскую культуру, в «ивановский текст» не только как архитектурная концепция (разработанная англичанином Э. Говардом), но и как литературно-художественный символ, метафора новой жизни, призыв к ней. Ради будущего сада готова порвать с прошлым А. Баркова: «Расцветет мой сад чудноцветный./ Зашумят мои деревья.../ Тороплюсь я церковные наветы/ И монастырские стены взорвать».

Воплощением социалистической мечты виделась «третья пролетарская столица» и В. Маяковскому. В Иваново-Вознесенске он не

³ Ляшко Н. О задачах писателя-рабочего // Кузница. 1920. №3. С. 28.

был, однако не раз упоминал локус в своих произведениях. Показательно стихотворение 1928 г. «Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево!». В качестве образцов новых советских городов поэт приводит Москву и Иваново-Вознесенск. Но Иваново на тот момент явно не походило на «большую новостройку». Газета «Правда», где впервые публиковалось стихотворение, попыталась хотя бы незначительно приблизить строки к реальности, заменив первое слово: «Пять лет – и Москва, и Иваново/ и чинились и строились наново» (вместо «десять»). Маяковский, искренний советский мифотворец, сделал Иваново-Вознесенск мифическим городом. Вероятно, поэтому поэт избегает упоминания имени города в негативном контексте – как, например, в стихотворении 1928 г. «Жид», написанном на местном материале.

В рамках антитезы «город-сад» – «Манчестер» рассмотрены произведения Дм. Семёновского: поэма «Сад» и журнальный очерк «Страна плодородия», написанные на одну тему «по заказу» А.М. Горького. Эти публикации разнятся не только в жанре, но и концептуально – что продемонстрировано в диссертации – проанализированы в этой связи онтологические и творческие установки автора; объяснены художественно-идеологические установки Горького.

Заканчивается глава размышлениями о возможностях ольфакторной характеристики локального текста. «Давний запах дальних мест» часто встречается в художественной литературе; аромат становится катализатором воспоминаний. Наиболее эффективно эту закономерность использовал М. Пруст в «Путешествии к Свану». Безусловно, запах места формируется на основе профильного занятия жителей: сельское хозяйство, тяжелая или легкая промышленность, торговля, рыбный промысел и т.д. Но выбор основного занятия не случаен (за исключением плановой экономики) – он подсказан, «нашептан» самой природой.

Несмотря на незначительный объем литературных источников, связанных с Ивановом конца XIX – начала XX века, можно составить вполне яркое впечатление о запахах русского Манчестера. Их так или иначе описывают практически все ранние произведения «ивановского текста» – видимо, настолько отталкивающими были ароматы. Главный источник местной идентичности (следовательно,

и запахов) – текстильная фабрика. Интересно, что самый распространенный вариант ситцевой набойки – цветы и элементы растительного мира («Ситец - поля подаянье,/ весь обрызганный росой»). Таким образом то, что в рамках природного ландшафта дает приятные ощущения, может вызывать отторжение, перейдя в ландшафт культурный. Это характерный пример «семиотической игры» между природным и культурным ландшафтами в рамках «ивановского текста».

Сам факт наличия уникальных ольфакторных характеристик указывает на несовершенство семиотического подхода к городскому тексту. Исследователи знаковой системы не в силах уловить средствами своей методологии ни запах, ни «душу» места.

Взаимоотношения природы и культуры – ключевой фактор обособления локального текста. А уникальным его делают «пропорции» их участия – «константа равновесия», обусловленная местными промышленностью, климатом, бытом и историей. Анализу этих факторов в «ивановском тексте» посвящена третья глава диссертации **«Роль природного и культурного ландшафтов в формировании локальных текстов»**.

В первом параграфе выявлены природно-культурные мнемонические символы (хранители культурной памяти) «ивановского текста» – его своеобразные архетипы: «чертово болото», фабричная труба, Красная Талка. При их описании и анализе становится заметным, как естественный ландшафт входит в местную культуру: отражается в литературе и влияет на жизнь локуса.

Особенности природного ландшафта привели в ивановский локус первых жителей – новгородцев, бегущих от московских царей; позже – церковных раскольников и разбойников. Локус окружали труднопроходимые леса и болота. (В рамках диссертации при сопоставлении ряда художественных текстов подтверждена эта особенность ландшафта).

Сама природа подтолкнула ивановцев к выбору основного ремесла, подсказала путь развития территории: суглинистая и песчаная почвы, на которых стоит Иваново, малопригодны для эффективного сельского хозяйства. Текстильная промышленность задала интертекстуальность «ивановскому тексту»: он восприимчив к другим культурам (должен учитывать особенности рынков сбыта),

заинтересован в них. (Примечательно, что слова «текст» и «текстильный» являются однокоренными).

В первой трети XIX века паровые машины на фабриках работали на древесине. В результате истребления лесов вокруг Иванова высохли болота. На смену топям и чащам пришел «кирпичный лес труб». Таким образом, новый «архетип» «ивановского текста» (фабричные трубы) опосредованно вытеснил своего предшественника. В работе отражается и анализируется разноплановое восприятие образов-символов болота и фабрики в художественной литературе.

В русской поэзии с середины XIX века сложился негативный образ фабричной трубы – часто это метафора опасности (неслучайно «мифополагающее» сравнении фабричных корпусов со змеем). Характерно, что в реальном ивановском пейзаже фабричные дымоходы заметнее и выше церковных куполов: материальное в локальном тексте важнее духовного.

Образы фабричных труб традиционно возникают в ивановской досоветской поэзии на фоне солнца и неба, антитезой природе. Позже «дымный пейзаж» превратился чуть ли не в обязательную метафору (к 1930-м годам – в публицистический штамп) при описании старого Иванова. Показательно стихотворение-очерк московского поэта Сергея Васильева, приехавшего в Иваново в творческую командировку в марте 1944 г – он описывает дореволюционную жизнь ткачихи: «Детство? О нем даже вспомнить горько!/ Рыжая копоть фабричных труб. <...> Дымное солнце над головою». Зато после революции – «Вольная жизнь зашумела заново/ Ветер развеял бесправья дым»⁴.

Революционное движение разворачивалось в Иванове на лоне природы (породившей когда-то фабрику, а потом искалеченной ей) – многотысячные маевки проходили на берегу речки Талка. Судя по литературным свидетельствам того времени, социальное (революционное) обновление у ивановцев ассоциировалось именно с природным преображением – показателен образный ряд стихотворения 1917 года Дм. Семеновского: «Древесная демонстрация/

⁴ Васильев С.А. Глядишь ты, родная, перед собою // Рабочий край. 1944. 12 марта. С.2.

В лесу демонстрация.../ Красные кисти рябины,/ Как алые флаги, впелелись в золотую листву./ <...> Осинник пылает./ Он весь - ало-цветное знамя».

Красная Талка стала сначала литературным, а потом «монументальным» символом революционной борьбы ивановцев. В 1975 здесь был создан пантеон героев революции. Но при насильственной «сакрализации» теряется «мемориальное» – исчез дух места. Миф подчинил себе правду – культурный ландшафт до неузнаваемости изменил природный и исторический.

Анализ мнемонических символов «ивановского текста» призван проиллюстрировать основное положение диссертации о фундаментальном взаимодействии природного и культурного ландшафтов при формировании локальных текстов культуры. Очевидно, что ни один «архетип» местной культуры не возникает без увязки с естественным, географическим ландшафтом. Природа предопределяет антропогенное развитие локуса, наделяет его чертами уникальности, которые отражаются в местной литературе, идентифицируют ее. Но надо отметить, что общелитературные архетипические образы и символы не получают в «ивановском тексте» принципиально новых значений.

Роль естественного ландшафта при формировании местной литературы отмечает А.К. Воронский, анализируя ивановскую поэзию первых послереволюционных лет. В местном пейзаже критик выделяет основные (мало подверженные изменениям) факторы, которые не могут не влиять на местное «мировоззрение», формируют его. Стабильность этих факторов (и, следовательно, актуальность выводов Воронского) объясняется тем, что естественный ландшафт всегда внутренне стремится к своему первичному состоянию – способен на регенерацию, и этим довлеет над ландшафтом культурным.

Обзорная статья-рецензия А.К. Воронского об ивановской литературе «Песни северного рабочего края» (1921) анализируется во втором параграфе главы *«Полифония ивановского текста: фабрика и природа (о хрестоматийной статье и записке)»*. Именно через окружающий пейзаж, соседство деревни и фабрики критик объясняет формирование обособленной школы ивановских поэтов. «Ивановский текст» вбирает в себя две антогонистичные картины

мира. В этом его самобытность и уникальность: «двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления»⁵.

Еще раз подчеркнем особую связь ивановского локуса (его культуры) с текстильной промышленностью. Весь жизненный цикл человека в местном тексте традиционно связывается с главным ремеслом (неотрывен от него): «Ткачи, ткачи! несчастный люд!/ Все с чем родились, с тем умрут/ Под черным игом бедноты,/ Всю жизнь работая холсты...» (М. Артамонов. Фабричный шум, 1913). С ситцем человек соприкасается будто еще до рождения: «Узкой стала ситцевая блузка,/ Желтизна легла у губ, а все ж/ Облик твой прекрасен, ибо миру/ Будущее ты в себе несешь» (Дм. Семёновский. «Материнство», 1935). И ситец же – последнее, что касается человеческого тела: «Всю жизнь он ткал, сдавал миткаль,/ Его обмеривали в "штуче..."/ <...> Ткача несли на миткале./ В гробу лежал он бледный, тощий./ И на пути к сырой земле/ Не тяготились смертной ношей./ Но и на этот раз миткаль/ Он растянул, "пример" дал штуче. (А. Ноздрин. Смерть ткача, 1911).

Ивановцы долгое время оставались (а, может быть, и навсегда) подчинены интересам фабрики. «Красные ткачи» – знаменитые участники гражданской войны (воспетые Д. Фурмановым в «Чапаеве») сражались вдалеке от своих домов не столько за мировую революцию, сколько за сырьевую базу для текстильного производства, именно этим мотивировалось формирование ивановского военного отряда: «Пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынущие в безработице корпуса», – агитировал ткачей М.В. Фрунзе. (В процессе мифологизации ивановского локуса этот конъюнктурный мотив «затерся», не фиксировался в местной литературе).

Четвертую главу «**Стадии самоосознания локального текста**» открывает параграф «*Этногенез и локальные тексты*», описывающий возможность применения методов этнографии и этнологии для исследования локальных текстов. При анализе работ Э. Крёбера и Л.Н. Гумилева подчеркивается основополагающее влияние естественного ландшафта на формирование культурных и

⁵ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. С.37.

этнических общностей.

Второй параграф «*Ивановцы – как особая ментальная и культурная общность*» показывает процесс формирования в массовом сознании (внутри и вне локуса) представления о жителях региона как об особой общности, наделенной характерными (в т.ч. и внешними) чертами. В третьем параграфе «*Достижение самодостаточности локальной культуры и замирание литературной жизни*» обозначаются факторы, способствовавшие «расцвету» локального текста в начале 1920-х. Иваново оказалось самодостаточно в культурном плане: имелись книгоиздательство (известное на всю страну), краевая газета (которую центральная «Правда» не раз ставила в пример), свой литературный кружок (заметный и в столице, и за границей). Но самым главным было внутреннее ощущение самодостаточности – Иваново понимало свою роль в истории страны: в ее недалеком прошлом и в настоящем. Это ощущение формулировалось и поддерживалось местной печатью: «...Наша революция полна чудес. Одним из таких чудес, чудес, созданных коллективным мозгом и ловкими руками рабоче-крестьянской массы, была Красная губерния текстильщиков»⁶. Казалось, что завоеванная «классовая независимость» дает независимость и всему локусу.

В 1929 году Иваново становится центром крупной промышленной области, но «столичное позиционирование» локуса (внутреннее и внешнее) начинается в литературе задолго до административных решений. Важно понимать, что культурная идентификация произошла раньше политической и финансовой (во многом подготовила их). Ивановская промышленная область просуществовала до 1936 года. Но эти семь с небольшим лет вовсе нельзя назвать ренессансом ивановской культуры. К тому времени наблюдается ее спад, начавшийся в первой половине 1920-х гг.

Важным фактором, отрицательно повлиявшим на формирование ивановского локального текста, по сути прервавшим его, – стал вызов в Москву А.К. Воронского в 1921 г. И дело не только в роли личности – столица, планомерно забирая лучшие силы, обозначала провинциальность локуса. В отличие от крупных городов Урала и Сибири (где на протяжении 1920-х еще продолжалось развитие са-

⁶ Воронский А.К. Красная губерния // Рабочий край. 1919. 28 декабря. С.1.

модостаточных локальных текстов), Иваново не было отделено от Москвы тысячами километров, и потому следом за Воронским в столицу потянулись местные литературные силы. Вне привычного ландшафта, способствовавшего уникальному творческому «двухязычию», ивановские литераторы не смогли проявить себя – «затерялись» в столице.

В 1930-1940-е гг. в регионе практически не остается участников прежнего культурного подъема. Местная писательская организация состоит из приезжих литераторов: они не ощущают особую ивановскую атмосферу (хоть и ходят на текстильные фабрики «для освоения производственного и нравственного климата»); они опираются не на местный культурный ландшафт – а на столичный: пытаются в творчестве соответствовать запросам, моде «большой литературы». Те же «текстильные сказы» М. Кочнева очевидно подражательны: даже внешность главной героини «Облачной пряжи» (1944) «о той моложавенькой ткачихе с зелеными глазами и змеиной косой» – совсем не ивановская (к тому времени сложился уже символический, характерный внешний образ), а уральский, бажовский.

В то же время набирает творческую силу генерация молодых ивановских поэтов: Алексей Лебедев, Михаил Дудин, Владимир Жуков, Николай Майоров, Владимир Кудрин. Важно, что они ощущают поколенческую связь; признают авторитет своих ивановских учителей – лит. консультантов областной писательской организации: Дм. Семеновского и А. Благова. В диссертации показано, как отражается в их творчестве культурный и естественный ландшафты Иванова. М. Дудин планирует собрать молодежную литературную группу – примечательны формулировки из его письма В. Жукову: «Хорошо бы нам в Иванове, именно в Иванове, сколотить крепкую группу из 5 настоящих <поэтов>... Так, чтоб все за одного и один за всех. Пора нам, Володька, делать что-то. Иваново – это совершенно особенный город, в нем можно все сделать. Он прямее Москвы и Ленинграда и чище. Правда, там [в Иванове] много тупого, а подчас просто не нашего, чужого, но это только

больше обязывает нас»⁷. Но эти планы нарушила война. Хотя она, возможно, создала более сильный творческий и в определенной мере «биографический» союз ивановцев-фронтовиков.

В параграфе «*Идеологическое*» противопоставление столице» обозначается место «ивановского текста» в парадигме отечественной культуры 1960-х. Иваново позиционирует себя как старый рабочий город: местная культура проповедует верность завоеваниям революции. Ивановские литераторы ощущают особую связь с народом, с русской деревней и в этом видят свое превосходство над столичными коллегами. Но противопоставление Москве на этот раз идентифицирует не ивановский локальный текст, а «сверхтекст русской провинции» (формируя и определяя его в советском дискурсе). Интересна в этом аспекте фигура самого яркого ивановского «шестидесятника» – Геннадия Серебрякова. Его лирика стала заложником неверного восприятия «ивановского текста» – ощущения ее пролетарского, исключительно фабричного начала.

В четвертой главе также рассматривается поэма Евг. Евтушенко «Ивановские ситцы». Несмотря на то, что она написана по заказу ивановского театра, а сам автор был в городе несколько дней, – в ней задействованы практически все мнемонические символы «ивановского текста», затронуты все «архетипы» местного сознания и истории, раскрыт своеобразный ивановский код. Но поэма не получила широкой известности в локальном дискурсе. Вызвано это не только административными санкциями (поэма не понравилась партийной номенклатуре, игнорировалась печатью), но, вероятно, и тем, что локальный текст (массовое сознание, порождаемое им) в определенной степени сопротивляется своему постижению сторонними наблюдателями – а потому и не признает их успехов.

В заключительном параграфе главы «*Молодежные объединения как фактор развития ивановской культуры*» анализируются феномен ивановского поэтического театра и опыт генерации поэтов и художников андеграунда, ярко заявившей о себе в Иванове на рубеже 1980-90-х. Культурные явления, противопоставляемые локальному тексту, традиционно обращают на себя внимание, однако

⁷ Цит. по: Таганов Л.Н. "Ивановский миф" и литература. Иваново: Издательство МИК, 2006. С.238.

обречены на относительно быстрое исчезновение. «Неукорененность» в местном ландшафте не позволяет им войти и в общенациональный культурный дискурс.

В **Заключении** выделены наиболее заметные на сегодняшний день локальные тексты отечественной литературы, кратко обозначены характеризующие особенности «ивановского текста», намечены перспективы развития темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Голубев Н.А. Ландшафтные возможности литературы и искусства // *Личность. Культура. Общество.* – 2013. – Т.15. Вып. 3-4. – С.224-228 (0,38 п.л.).
2. Голубев Н.А. Фабричная труба как прописная буква ивановского текста. Взаимодействие ландшафтов // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* – 2013. – Т. 19. №3. – С.113-115 (0,45 п.л.).
3. Голубев Н.А. Запахи города: ольфакторные характеристики «ивановского текста» // *Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки».* – 2014. – Т. 5. Вып. 2. – С. 107-111 (0,5 п.л.).
4. Голубев Н.А. Иваново-Москва: К проблеме социокультурного осознания провинциальности // *Филологические штудии: сб. науч. тр.* – Иваново: Листос, 2011. – Вып. 15. – С. 81-87 (0,25 п.л.).
5. Голубев Н.А. Проблемы творческой эволюции поэта Г.Серебрякова // *Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново (23-27 апреля 2012 г.): в 8 ч.* – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. – Ч. 6: Язык. Литература. Массовые коммуникации. – С. 142 (0,33 п.л.).
6. Голубев Н.А. Между провинцией и столицей (к проблеме творческой эволюции поэта Геннадия Серебрякова) // *Костромской гуманитарный вестник.* – 2012. – №2 (4) (Специальный выпуск). – С. 98-100 (0,3 п.л.).
7. Голубев Н.А. Город Иваново как художественный образ // *Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов науч-*

ных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново 22–26 апреля 2013 г.: в 7 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013.– Ч. 6: Язык. Литература. Массовые коммуникации. – С. 64 (0,13 п.л.).

8. Голубев Н.А. Роль региональных СМИ в формировании и развитии локальных текстов культуры // Журналистика, реклама и связи с общественностью: региональный и страноведческий аспекты: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., Иваново, 29 марта 2013 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – С. 52-57 (0,27 п.л.).

9. Голубев Н.А. Семиотическая типология (маркировка города) на примере «ивановского текста» // Сопоставительная филология и полилингвизм: мат-лы IV Междунар. конф. Аксеновские чтения, Казань, 26-29 ноября 2013 / Под ред. Т.Г. Прохоровой. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – Т. 2. – С.139-145 (0,32 п.л.).

10. Голубев Н.А. Couleur locale и литературное областничество: сравнительный анализ повестей «Салам тебе, Далгат!» (А. Ганиева) и «Одна ласточка еще не делает весны» (Г. Садулаев) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – Вып. 12. – С. 94-100 (0,53 п.л.).